

Демократия и этнические чистки: размышления о книге Майкла Манна*

Владимир Малахов

В превращении злодеяний в предмет ученых штудий есть нечто сомнительное. Под исследовательской лупой кровавые зверства утрачивают свою infernalную энергию, становясь всего лишь объектом в ряду прочих объектов анализа. Вдумаемся, что означало появление академической дисциплины под названием «исследования геноцида»? Нечто запредельно иррациональное сделалось этапом развития научной рациональности. Социолог, берущийся за изучение подобных «предметов», рискует попасть в моральную и эпистемологическую ловушку, описанную в свое время Зигмундом Бауманом. Объясняя геноцид, социальные ученые невольно его стерилизуют, выхолащивают его беспокойное для нашей совести содержание. «Все это случилось “там” – в другое время и в другой стране. Чем больше “виноваты они”, тем в большей безопасности “мы” – остальные, тем меньше нам приходится защищать свою безопасность. Когда распределение вины приравнивается к выяснению причин, чистота и здравомыслие образа жизни, которым мы так гордимся, не вызывают никаких сомнений».¹ Знаменитый социолог Майкл Манн пускается в свое теоретическое предприятие, опираясь на колоссальный пласт научной литературы (отчасти способствующей «рационализации» иррационального). Но за его плечами не только тонны ученых сочинений. За его плечами новый печальный опыт массового уничтожения людьми друг друга, накопившийся за четверть века после публикации epochального труда Баумана.

Майкл Манн – британский социолог, живущий в Америке, составил себе научную репутацию двумя томами фундаментального исследования

---

* Первоначальный вариант статьи Владимира Малахова под названием «Извращения демократии. Майкл Манн и его теория этнических чисток» был опубликован в книге: Майкл Манн. *Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток*. Пер. с англ. Д. Сливняк, М. Сливняк, В. Туза. (М.: Пятый Рим, 2016). Редакция благодарит Владимира Малахова за разрешение опубликовать этот текст.

об Истоках социальной власти и целым рядом публикаций, к которым его коллеги по академическому цеху продолжают обращаться на протяжении десятков лет.²

Труд Манна, посвященный феномену этнических чисток³ в определенной степени продолжает традицию, заложенную так называемыми *genocide studies* (исследованиями геноцида) – междисциплинарным направлением, объединяющим усилия историков, социальных антропологов и этнографов, политологов, социальных психологов, юристов и социологов.⁴ Однако Манн не стал ограничивать свой предмет геноцидом. Возможно, потому, что он намерен исследовать этнически мотивированное насилие в самых разных его формах (хотя очевидно, что предмет его интереса образуют именно «кровавые этнические чистки», то есть нечто очень близкое геноциду).

Понятие «этническая чистка» не случайно отсутствует в юридическом языке. Оно не может быть сколько-нибудь строго определено. В его объем входят и насильственная ассимиляция, и принуждение к эмиграции, и «обмен населением» между странами (по образцу тех, что произошли между Грецией и Турцией по окончании Первой мировой войны). Такие процессы, как правило, либо не связаны с физическим насилием, либо связаны с ним в минимальной степени. Далее следуют депортации, которые опять-таки могут проходить и в относительно мягких формах, и осуществляться предельно жестоким образом – так, что высылка людей из мест их проживания ведет к их массовой гибели от голода, холода и болезней. И наконец, апогей этнических чисток, их, так сказать, высшая стадия – массовые кровопролития (от избирательных убийств с целью устрашения до организованного уничтожения целой этнической группы, включая детей и престарелых). Это массовое насилие как таковое, будь то сталинский ГУЛАГ, геноцид, учиненный красными кхмерами в Камбодже, или многомиллионные жертвы в Китае эпохи правления Мао – отчасти напрямую связанные с уничтожением тех, кто считался классовым врагом, отчасти ставшие непреднамеренным следствием революционных экспериментов. При всей амбициозности и оригинальности исследовательской заявки Манна, его книга вполне органично вписывается в контекст существующих разработок на таких полях, как уже упомянутые *genocide studies*, а также теория конфликта и социология насилия.⁵ Как бы то ни было, гигантский объем проведенной Манном работы не может не впечатлять. Едва ли найдется профессиональный отклик на его книгу, в котором коллеги не отмечали бы почти невероятную эрудицию автора.⁶ По способности оперировать информацией, касающейся столь разных

географических и исторических областей, Манн, пожалуй, не знает себе равных среди ныне здравствующих макросоциологов (здесь в пору вспомнить недавно ушедшего из жизни Чарльза Тилли).

Иначе говоря, не используя слова «геноцид», Манн получает возможность обойти неизбежные трудности терминологического свойства. Коль скоро этот термин вошел в международное право, квалификация того или иного деяния как геноцида – процедура крайне ответственная и очень кропотливая (и, как мы знаем из работы международных трибуналов по военным преступлениям, не свободная от обвинений в политизации).⁷ Вместе с тем от внимания читателей не скроется то обстоятельство, что предмет аналитического интереса Манна выходит за пределы этнически мотивированного насилия. Его взор прикован к феномену куда более широкому. Это массовое насилие как таковое, будь то сталинский ГУЛАГ, геноцид, учиненный красными кхмерами в Камбодже, или многомиллионные жертвы в Китае эпохи правления Мао – отчасти напрямую связанные с уничтожением тех, кто считался классовым врагом, отчасти ставшие непреднамеренным следствием революционных экспериментов.

Итак, вот некоторые из идей Манна. Когда-то Современность отождествляли с просвещением и прогрессом. После Холокоста стало окончательно ясно, что это иллюзия. Современность несет с собой проявления бесчеловечности, которые в досовременных обществах были немыслимы. На сегодня этот тезис не только бесспорен, но и тривиален.⁸ Впервые выдвинутый Адорно и Хоркхаймером в «Диалектике просвещения» (1944), он был развит во множестве работ, самой яркой из которых стала упомянутая выше книга «Modernity and the Holocaust» Зигмунта Баумана (1989), в русском переводе – «Актуальность холокоста». Поэтому Манн идет дальше, увязывая геноцид не просто с модерном, а с сопровождающей модерн формой политического устройства – демократией. Он утверждает, что кровавые этнические чистки, включая геноцид, имеют отношение к сути того, что называется демократией.

Рассмотрим, какие доводы он приводит в пользу этого утверждения. Они носят преимущественно исторический характер (недаром наш автор позиционирует себя как исторический социолог). Что касается аргументов собственно теоретического свойства, то они подчинены историческому изложению, вплетены в его ткань так, чтобы читатель сам сделал нужные выводы. Манн редко заходит на территорию теоретической однозначности, политической теории и политической философии, ограничиваясь общими отсылками к классикам – в частности, к знаменитому пассажиру из «Демократии в Америке» Алексиса де Токвиля о «тирании большинства».

Из современных авторов Манн видит своего единомышленника в Андреасе Виммере, несколькими годами ранее выпустившем книгу «Националистическое исключение и этнический конфликт: тень современности».⁹

С моей точки зрения, теоретические аргументы Манна вряд ли можно считать убедительными. Во-первых, они не всегда безукоризненны с чисто логической точки зрения. В самом деле, как следует понимать высказывание «феномен кровавых чисток современен – потому, что он представляют собой темную сторону демократии»?¹⁰ Современность феномена этнических чисток, их принадлежность модерну – более или менее очевидный факт.¹¹ Но где очевидность того, что этот факт вытекает из демократии? Если между демократией и этническими чистками существует связь, носит ли она каузальный характер? Во-вторых, бросается в глаза, что значение понятия «демократия» на страницах книги остается размытым. Автор – похоже, намеренно – не проводит различия между демократией как идеалом общественного устройства (идеалом равенства) и демократией как формой правления. Одно дело – горизонт общественных ожиданий, и совсем другое дело – институционализированное государственное устройство. Манипулирование этой многозначностью «демократии» и дает Манну возможность вбросить в академическое поле столь цепляющий внимание тезис.

Обратимся, однако, к историческим аргументам автора. Первые примеры этнических чисток дают поселенческие общества Северной Америки и Австралии. То, что сделали европейские переселенцы в XVII–XVIII столетиях с коренным населением этих территорий, было, по сути, геноцидом или действиями на грани геноцида. Между тем несомненно, что общества, осуществившие геноцид, были устроены демократически. Массовое этническое насилие в посткоммунистической Югославии развернулось тогда, когда у народов – прежде угнетенных авторитаризмом – появилось право голоса. За этническими чистками 1990-х стояли демократически избранные правительства республик, возникших на развалинах СФРЮ. На этом, правда, историческая очевидность тезиса о связи этнических чисток с демократией едва ли не исчерпывается. Ведь большая часть этнических чисток – как анализируемых в книге Манна, так и упоминаемых им вскользь – проведена отнюдь не демократическими режимами. Ни Османская Турция, ни царская Россия (изгнание черкесов после Кавказской войны и еврейские погромы), ни кайзеровская Германия (геноцид народа гереро в Западной Африке), ни нацистский Третий рейх, ни его пособники в Восточной Европе, ни Руанда накануне 1994 г. демократиями не были. Манну это, разумеется, известно. Отдает он отчет и в том, что коммунистические режимы в СССР, Китае и Камбодже также нельзя назвать демократиями.

Тем не менее, он считает нужным отметить, что массовым уничтожениям во всех случаях предшествовало демократическое движение. Младотурки начинали с веры в возможность полиэтнической республики, основанной на принципах веротерпимости; большевики искренне считали, что власть, которую они захватили в 1917 г., есть выражение воли народа; китайские коммунисты в конце 1940-х и красные кхмеры в Камбодже в начале 1970-х опирались на революционный подъем масс, а значит – на демократическое движение. Последовавшие затем кампании массового террора были результатом краха революционных проектов, неудачей процесса демократизации. Отсюда и вытекает вывод Манна: «чистки» (впрочем, по классовому, а не по этническому признаку) в сталинской России, маоистском Китае и полпотовской Камбодже, равно как и геноцид армян в Турции 1915 г., связаны с демократией хотя бы потому, что представляли собой ее извращение.

И здесь мы упираемся в принципиально важный пункт: речь идет *не о демократии, а о демократизации; не об имплицитном свойстве данной формы правления, а о провале усилий эту форму установить*. За исключением случая с европейскими колонистами (или, скажем прямо, колонизаторами) в Северной Америке и Австралии, все рассматриваемые Манном истории – это истории о несостоявшемся демократическом государстве,¹² о неудаче попыток установить политико-правовой порядок, основанный на принципе народного представительства и народного волеизъявления. Поэтому эффектная сентенция Манна о том, что «демократия убила Югославию», не попадает в цель. Югославию убила не демократия, а нечто совсем иное. Ее убил хаос, воцарившийся в результате коллапса авторитарного режима. На развалинах федерации, созданной Тито и утратившей привлекательность для граждан в 1980-е, возникло несколько центров силы (подчеркнем, не только политической, но и военной), вступивших в борьбу за контроль над территорией. В условиях хаоса можно вести речь лишь о беспощадной борьбе за власть, об устрашении и циничных манипуляциях, но никак не о демократической власти. Короче говоря – об анархии и популизме, а не о демократии. Стало быть, здесь тоже необходимо уточняющее различие между демократией и демократизацией.

Теория и эмпирия

Источник этнически мотивированного насилия Манн усматривает в перетолковании «демоса» в «этнос». Если народ понимается не как гражданско-политическое сообщество, а как органическое целое, то отсюда не-

обходимым образом вытекает подозрительное отношение к тем группам, которые этому органическому целому не принадлежат. Если наш народ – это своего рода коллективная личность, то соседний народ, с которым мы находимся в напряженных отношениях, – это другая коллективная личность, наделяемая самыми несимпатичными чертами. Разумеется, идеи сами по себе недостаточны для того, чтобы случилось массовое насилие и тем более кровопролитие. Но идеи радикального этнонационализма служат приглашением к социальному исключению тех, кого считают этнически чуждыми, почвой, на которой произрастают семена отчуждения и ненависти. В ситуации же, если конфликт произошел и вступил в насильственную фазу, эти идеи становятся легитиматором любых злодеяний. Итак, идеологическим условием этнических чисток является этнический национализм вообще и так называемый «органический национализм» в частности.¹³ Здесь, однако, возникает следующая трудность и концептуального, и аналитического свойства: а как быть с коммунистическими режимами, идеологией которых был интернационализм?¹⁴ Это затруднение Манн пытается снять следующим образом. Он вводит расширенную интерпретацию *органической общности*. Это уже не этническая группа (то есть совокупность людей, объединенных общей историей и культурой), а класс. Народ выступает в результате не как «этнос», а как «пролетариат». Таким образом, извращение демократии может происходить двумя путями. Первый – через органический национализм (который подменяет демос этносом); второй – через подмену народа как демоса народом как братством трудящихся (из которого изначально исключены все «эксплуататорские классы»). В обоих случаях имеет место органицистская редукция содержания общности, именуемой «народом». Если народ – это не совокупность граждан, а сообщество происхождения, то все, кто по своему происхождению являются чужими, подлежат исключению. А отсюда совсем недалеко и до истребления. Применительно к первым десятилетиям советской власти, когда речь идет не о «народе», но о «классе», это сначала «лишенцы» (люди, пораженные в правах на основании принадлежности к неправильному классу), затем «кулаки»,¹⁵ затем «контрреволюционные элементы», судьбой которых был в лучшем случае срок в ГУЛАГе.

И все же добавление трех коммунистических режимов к исследованию «этнических чисток» не кажется обоснованным. Что ни говори, а сталинский, маоистский и полпотовский террор – это не этнические чистки. Это классовые чистки.

Читатель, дошедший до соответствующих глав книги Манна, вряд ли избавится от впечатления о размытости объекта исследования. Пожалуй, у

автора был шанс добиться хотя бы относительной четкости аналитических рамок: обращаясь к истории большевистского, маоистского и полпотовского режимов, сфокусироваться на этнической составляющей творимых ими преступлений. Например, на депортациях этнических меньшинств в сталинском Советском Союзе, на жестоком, унесшем почти десятую часть населения, подавлении сопротивления тибетцев в маоистском Китае и т. д. Однако Манн не захотел ограничиться собственно «этническими чистками» – его взор прикован к советскому Большому террору и к китайским «большому скачку» и «культурной революции» как таковым. Короче говоря, Манн обращается к масштабным «классицидам» в контексте, предполагающем фокусировку на «этноциде». Он предлагает схему, объясняющую происхождение и динамику феномена этнических чисток «как таковых», независимо от того, где и когда они случились. Для того чтобы кровавое насилие на этнической почве произошло, необходимо следующее. Это наличие двух этнических групп (иногда, как в случае с Боснией, – трех), оспаривающих суверенитет на определенной территории; сопротивление более слабой стороны и иллюзия более сильной стороны относительно возможности успешно подавить это сопротивление; распад государства и радикализация правящих групп, опасющихся утраты власти; наличие внешнего игрока, потенциально или фактически поддерживающего более слабую сторону (Россия для армян в Турции, Сербия для сербов в Хорватии и Боснии, Бурунди для тутси в Руанде). Важным фактором сползания в кровавую этническую бойню является также нестабильная внешнеполитическая ситуация. Кризис государства вкупе с наличием по соседству держав, способных использовать внутривнутриполитическую нестабильность в своих целях, – вот принципиальные условия эскалации насилия.¹⁶

Правда, эмпирический материал, с которым работает Манн, столь богат, что не уместается в схему, требуя от автора постоянных уточнений и оговорок. Чего стоит хотя бы случай Холокоста: здесь нет ни двух групп, оспаривающих суверенитет, ни ситуации распада государства (напротив, мощная государственная машина выступает организатором геноцида). Сплошным набором исключений из изложенных тезисов оказываются Индия и Индонезия – не случайно автор называет их «нетипичными случаями».

Элиты vs. массы

Когда в начале 1990-х разразилась война в Югославии, реакцией западной прессы – а также, в определенной мере, аналитики – были рассуждения о «неизжитом варварстве» и «атавистических инстинктах». Манн

категорически отвергает подобный подход. Попытка увязать этническое насилие со степенью «цивилизованности» ведет к стигматизации целых народов как недостаточно цивилизованных. Сегодняшние разговоры о примитивных народах есть не что иное, как отзвук популярных в XIX столетии мыслей о «неисторических народах» (вспомним, кстати, с какой охотой это выражение употреблял не только Гегель, но и Энгельс). Народы вообще не делятся на «цивилизованные» (и потому застрахованные от жестокостей гражданских войн) и «нецивилизованные». От соскальзывания в пучину кровавого насилия не застрахован никто. (Разве что можно говорить о механизмах перевода конфликтов в институциональное русло, которые удалось создать в Западной Европе и Северной Америке в течение второй половины XX столетия; но, прежде чем эти механизмы появились, было пролито много крови). Вместе с тем Манн не принимает объяснений этнических чисток (и, шире, теорий конфликта), чрезмерно фокусирующихся на элитах. В таких теориях акты кровавого насилия предстают как результат манипуляций власть имущих, навязывающих простым людям чуждые им модели поведения. Уйти от крайностей теории элит, с одной стороны, и от спекуляций о «национальном характере», с другой, Манну позволяет аналитическое вычленение конкретных агентов насилия. Таких агентов три: (а) радикализованные элиты; (б) парамилитарные формирования; (в) слои населения, активно поддерживающие лозунги радикального этнического национализма.¹⁷ Кроме того, в определенных обстоятельствах появляется и такой агент насилия, как «обычные люди». Это никогда не большинство населения, но определенная его часть, которая подключается к «чисткам» в качестве мародеров, насильников и т. д., зная, что в обстановке хаоса это почти наверняка не грозит наказанием. Отдельного разбора заслуживают и криминальные элементы – как правило, образующие на первых порах костяк «незаконных вооруженных формирований». Однако преувеличивать роль уголовников в этнических чистках не следует. Это, во-первых, некорректно с эмпирической точки зрения; имеющиеся данные не подтверждают тезиса, будто профессиональные преступники, намеренно выпущенные из тюрем, составляют до трех четвертей исполнителей кровавых чисток. Во-вторых, это неверно теоретически: переносить центр тяжести на уголовников означает не видеть всего объема проблемы, а именно: относительно широкой поддержки радикального этнонационализма и вытекающих из него практик. За этими идеями стоит далеко не все общество – общество идеологически и социально-психологически раскалывается. Но все же за ними стоит достаточно значительная его часть, что позволяет говорить о

«народной поддержке» политики «очищения» территории государства от «чужеродных элементов».

Кто виноват?

Перспектива социальной науки предполагает максимально возможную дистанцию ученого от исследуемого объекта. Свое «объяснение» кровавых этнических чисток Майкл Манн строит из позиции наблюдателя, запрещающего себе выказывать эмоции. Тем не менее моральное измерение проблемы не остается за скобками. Коль скоро мы констатируем, что деяния, о которых идет речь, представляют собой нарушение базовых нравственных законов, мы не можем не задаваться вопросом об ответственности за эти деяния.¹⁸ Первый вопрос морального свойства, который неявно напрашивается в ходе исследования Манна, это вопрос о субъекте действий, известных как кровавые этнические чистки. Кто совершает геноцид? Ответ Манна однозначен: таким субъектом является не «народ» (турецкий, немецкий, сербский, хорватский, боснийский, хуту и т. д.), а конкретные индивиды и группы людей. Обычно их число не так уж велико, как может показаться. Счет палачей – самозванных или назначенных – идет на тысячи или десятки тысяч, что в процентном отношении составляет сравнительно небольшую долю от общества в целом. Убийство невинных, а особенно детей – занятие столь отвратительное, что обычный человек, даже находящийся в экстремальной ситуации, пытается его избежать.

«Отдав приказ на первый расстрел, майор Трапп впал в нерешительность и неожиданно разрешил отказаться от экзекуции тем, кто не хочет убивать. Из строя вышли только 12 человек. Они были переведены в другую часть и не получили никакого взыскания. Расстрелы множились, множились и сомнения».

«...перед каждой акцией исчезало 10–20% личного состава, кто-то официально, а кто-то и самовольно. Кто-то прятался за спины своих, кто-то стрелял мимо. Некоторые оправдывались, ссылаясь на этику, другие признавались в своих симпатиях к социализму, третьи говорили, что не хотят связывать свою карьеру с полицией, но большинство объясняли свое поведение физическим отвращением к убийству, слабостью, разболтанными нервами. Но немногие подали рапорты о переводе».

«Многие ни морально, ни физически не могли свыкнуться со своей страшной работой. Когда психологический кокон, созданный идеологией,

дисциплиной, товариществом, карьерой, все же лопался, помогал алкоголь. Он притуплял чувства и погружал в забытье».

В приведенных цитатах речь идет о нацистском Третьем рейхе. Моральный выбор существовал даже в условиях тотальной идеологической индоктринации. Итак, геноцид осуществляет меньшинство. Поведение большинства позволяет охарактеризовать одно емкое слово: конформизм. Из опасений за карьеру, а иногда и за жизнь, львиная доля тех, кого называют обывателями, в любой стране и в любое время предпочитают отсидеться в стороне. Иногда они сочувствуют жертвам и даже им помогают, но, коль скоро такая помощь начинает грозить выживанию, снова начинают вести себя «как все». Впрочем, всегда существует и еще одно меньшинство. Это люди, которые не поддаются националистическому угару и находят в себе силы на моральный поступок. Это те, кто помогает объектам чисток, рискуя собственной жизнью. Второй вопрос морального – вернее, морально-психологического – свойства, который не может не задать себе исследователь кровавого этнического насилия, связан с «психотипом» исполнителей. Кем были люди, которые непосредственно участвовали в массовых убийствах (в расстрельных командах, в клиниках, проводивших эвтаназию, в концлагерях, отправлявших узников в газовые камеры, в бандформированиях, вырезавших целые деревни)? В распоряжении автора был довольно большой материал, хотя и недостаточный для однозначных и окончательных выводов. Лучше всего изучены случаи бывшей Югославии и нацистской Германии (Манн даже имел возможность работать с биографиями преступников, осужденных соответственно МТБЮ и Нюрнбергским трибуналом). Проведенные Манном разыскания – как на основе вторичной литературы, так и на основе первоисточников – не преподнесли ничего неожиданного по сравнению с тем, что мы знаем от Ханны Арендт.¹⁹ Чудовищные злодеяния совершают обычные люди, находящиеся в необычных обстоятельствах. Изучение биографий нацистских преступников привело Манна к следующей типологии. Это люди идеи, люди карьеры и конформисты. Первые убивали из фанатичной веры в химеру «этнической чистоты». Вторые делали это из циничного расчета – из надежды как можно выше подняться по социальной лестнице. Третьи пассивно приняли выпавшую участь, заглушая муки совести алкоголем. Они платили за свой выбор депрессией и психическими расстройствами; некоторые из них впоследствии покончили с собой. И среди «идейных», и среди «карьеристов» встречался своего рода подтип исполнителей, которые вершили расправы с удовольствием. Это откровенные садисты. Однако их, как правило, сторонилось их собствен-

ное окружение. Похожие типы можно выделить и на основании анализа биографий боевиков, действовавших в бывшей Югославии, и на основании – куда более скудных – сведений о вдохновителях и исполнителях геноцида в Турции 1915 г. и в Руанде 1994 г. Но, как показывает Манн, выделенные типажи редко встречаются в чистом виде. В реальной жизни происходит весьма причудливое переплетение различных мотивов (причем число их много больше трех). Наконец, еще один вопрос, помещающий нас в моральную область, – вопрос о вдохновителях кровавых этнических чисток (кстати, термин *perpetrators*, используемый в оригинале, означает не только исполнителей преступления, но и его вдохновителей). Такими вдохновителями выступают, помимо политиков,²⁰ интеллектуалы – писатели, поэты, драматурги, психоаналитики, режиссеры и т. д., участвующие в производстве идеологии органического национализма. Вбрасывая в массы смертоносные идеи «чистоты нации», они, как правило, не грезят о реках крови, которые эту чистоту обеспечат. То, что начинается происходить за стенами кабинетов, является непреднамеренным следствием романтически-почвеннических мечтаний.

«Зубной врач Бабич, психиатры Рашкович и Караджич, профессор биологии Плавшич не собирались убивать людей. Они просто надеялись, что угрожающая риторика поможет объединить своих и утратить чужих».

Что делать

После Нюрнбергского трибунала прогрессивная мировая общественность была серьезно озабочена вопросом: что нужно сделать для того, чтобы это не повторилось? На волне этой озабоченности – и решительного *never more* из уст влиятельных политиков – возникли нормы международного права, включившие в свой состав такие прежде неизвестные юриспруденции категории, как «преступления против человечности» и «геноцид». Однако само понятие права приобретает смысл только при условии, что существует инстанция, способная применить санкции в случае его нарушения. Здесь и кроется неудобство: если национальное право располагает подобной инстанцией (ею выступает само национальное государство с его судебной системой), то у международного права такой инстанции нет. Его нормы поэтому на практике часто оказываются лишь декларациями – до тех пор, пока некие крупные политические игроки не продавят через ООН создание специального – обычно временного – органа. Этот орган, будь

то миротворческие силы в зоне конфликта, призванные остановить массовое кровопролитие, или международный трибунал, собираемый (обычно с большим опозданием) с целью осудить наиболее очевидных виновников, редко бывают эффективными. Масштабное истребление людей успевает произойти прежде, чем в том или ином месте разместятся «голубые каски»; преступники же в большинстве случаев уходят от ответственности. Проблема, как видно, упирается в коллизию универсальных норм и партикулярных интересов. Носителями первых выступает абстрактное мировое сообщество, носителями вторых – конкретные нации-государства. Победителями из этой коллизии чаще выходят последние. (Симптоматично, что ни США, ни Китай, ни Россия не признают юрисдикции Международного уголовного суда.) Вот почему, несмотря на все международные правовые документы, принятые после 1945 г., случились сначала Югославия, потом Руанда и Бурунди, не говоря уже о целой череде этнических чисток и геноцидов от Либерии до Восточного Тимора. Итак, эффективному международному вмешательству, позволяющему остановить раскрутку маховика насилия, мешают национальные эгоизмы. Манн не проходит мимо того скандального обстоятельства, что геноцид в Руанде не был прекращен в том числе потому, что резолюция Совбеза ООН о вводе миротворческого контингента была заблокирована Соединенными Штатами. Означает ли это, что мир ни на шаг не продвинулся по сравнению со временами, когда у зачинщиков массовых истреблений людей были полностью развязаны руки? Наш автор не определился с ответом на данный вопрос. С одной стороны, рассуждая из перспективы универсализма (и разделяющего универсальные ценности «мирового сообщества»), он обращает внимание на сдвиги, внушающие оптимизм. Да, сегодняшние механизмы противодействия преступлениям геноцида вызывают множество нареканий, однако невозможно отрицать, что эти механизмы созданы. Подстрекатели и исполнители геноцида больше не могут быть так же уверены в своей безопасности, как это было до середины XX века. Пусть большинству из них и удастся спрятаться от ответственности, но у родственников жертв все же есть надежда, что меч Фемиды когда-нибудь настигнет хотя бы самых одиозных преступников. Да, государство, присвоившее себе функции мирового жандарма (США), само далеко не безгрешно, но лучше плохой жандарм, чем никакого.²¹ Да, институты ООН постоянно пробуксовывают, но они худо-бедно работают.

С другой стороны, будучи трезвым аналитиком, Манн прекрасно осознает, что в самом сегодняшнем мироустройстве заложены глубочайшие диспропорции, в силу которых глобальный Юг живет в изоляции от глобального Севера. На Юге нет тех механизмов институционализации

конфликта, которые удалось выработать на Севере. А потому многие страны мировой периферии балансируют на грани провала в очередную «черную дыру этнонационализма» и, добавим, религиозного фундаментализма. Обычным результатом таких провалов становится геноцид. Но дело, конечно, не просто в институтах и в дееспособности или недееспособности государств мировой периферии. Дело в структурных параметрах современной мировой системы. И до тех пор, пока эти параметры не изменены, международное право, по большому счету, бессильно.

Несомненно, что публикация компендиума Манна на русском языке – значимое событие для постсоветского академического сообщества. Хотелось бы, однако, надеяться, что эта книга дойдет до более широкой аудитории. Это поспособствует оздоровлению атмосферы в публичных дебатах. Дело не только и не столько в характерном для них градусе агрессии (после 2014 года просто зашкаливающим). Дело прежде всего в некоей *нечувствительности к несправедливости, творимой по отношению к тем, кто не считается «своими»*. Если жертвы несправедливости не «мы», а «они», то несправедливость вообще перестает восприниматься как таковая. Мало того, если виновники несправедливых деяний некоторым образом «наши», то эти деяния едва ли не становятся праведными. Их факт либо упорно отрицают, либо, если это невозможно, релятивизируют, указывая на то, что у противной стороны тоже рыльце в пушку. Как если бы преступления, совершаемые «ими», автоматически оправдывали преступления, совершаемые «нами». Корни этой моральной невменяемости (равно как и правового нигилизма) уходят, по моему мнению, в эпоху большевизма. Сначала ленинский цинизм, позволявший объявлять черное белым – и наоборот, в зависимости от конъюнктуры, затем сталинский принцип коллективной вины. Человек, обронивший афоризм «сын за отца не отвечает», рутинным образом обрекал на чудовищные страдания и на смерть сотни тысяч ни в чем не виновных людей – как возмездие за вину их соплеменников. Казалось бы, очевидно: принцип коллективной ответственности абсолютно несовместим с базовыми нормами права и морали. Однако это совсем неочевидно немалому числу граждан, считающих, что Сталин поступал правильно и что все свидетельства о преступлениях большевиков сфабрикованы врагами России с целью ее опорочить. В этой связи достоинство труда Манна (и его потенциальная способность достигать до нравственно оглохшей аудитории) заключается в равноудаленности автора от исследуемых материй. Сербь в его экспозиции в той же мере ответственны за преступления гражданской войны, что хорваты и боснийцы. Американцы в свое время прове-

ли столь масштабное уничтожение коренного населения континента, что на них могли равняться нацисты (Манн даже позволяет себе сопоставление речей американских губернаторов XIX века с речами Гитлера – причем не в пользу первых). То обстоятельство, что армяне стали жертвами геноцида 1915 г., не отменяет их вовлеченности в кровавые погромы в отношении турок в предшествовавшие десятилетия. Равным образом Холокост не дает евреям индульгенции на, мягко говоря, сомнительные акции по отношению к палестинцам (израильскую политику на оккупированных территориях Манн без обиняков приравнивает к этническим чисткам).

Есть, правда, в книге Манна пассажи, которые насторожат постсоветского читателя. Например, в своем обращении с российским материалом Манн, к сожалению, следует клише, сложившимся в англосаксонской литературе со времен советологии. Эти клише провоцируют взгляд на современную Россию как на последнюю «мини-империю» и, соответственно, как на политическую аномалию. Нормой же, согласно данному подходу, является «национальное государство», либо моноэтническое, либо добившееся высокой степени этнической однородности за счет ассимиляции меньшинств. В такой оптике (а) любые полиэтничные государственные образования предстают как реликт, который рано или поздно отправится на свалку истории, и (б) любые социальные и/или политические напряжения и конфликты с этнической окраской кажутся проявлениями конфликта между «господствующим этносом» и этническими меньшинствами. Сепаратистские устремления со стороны элитных кругов внутри этих меньшинств выглядят в результате не иначе как естественное желание «угнетенных» покинуть «тюрьму народов».

В заключение позволю себе еще одно несогласие с американским социологом – на этот раз не с концепцией, а с ее применением. Речь идет о «гибридной войне» на Юго-востоке Украины. В 2016 г. Майкл Манн специально для русского издания своей книги написал предисловие, в котором среди прочего высказался по украинскому вопросу. К этому высказыванию можно относиться по-разному, но в одном пункте с ним, как мне кажется, согласиться никак нельзя. Это представление донбасских событий в категориях этнической чистки. Хотя самого этого выражения автор в данном случае избегает, он приглашает именно к такому прочтению. Майкл Манн не захотел или не сумел разглядеть того обстоятельства, что водораздел в украинском обществе пролегает *по линии политического выбора, а не по линиям этнических различий*. Неизвестно, что стало причиной этого интеллектуального жеста – уверенность «живого классика» в своей бесконечной правоте или недостаточная информированность о происходящем на Дон-

басе, но его попытка подвергать украинский случай под свою концепцию мне представляется откровенно тупиковым ходом.

-
- ¹ Бауман З. *Актуальность холокоста* (М.: Европа; ИД КДУ), 2013. (Оригинал вышел в 1989).
  - ² С тех пор вышло два заключительных тома этого труда (русский перевод готовится к печати издательским домом «Дело» Российской академии народного хозяйства и государственной службы). Что касается других работ Манна, то, помимо широко известного исследования о фашистах (Mann M. *Fascists* (Cambridge University Press, 2004); русский перевод готовится к печати фондом «Историческая память»), это книга о капитализме и войне (Mann M. *States, War and Capitalism* (Oxford: Blackwell, 1988)), а также ряд ярких статей, постоянно цитируемых специалистами из самых разных областей социально-гуманитарного знания. См., например: Mann M. “Ruling Class Strategies and Citizenship”, *Sociology*, Vol. 21, No. 3. 1987; Манн М. “Нациигосударства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание”, *Нации и национализм*. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. (М.: Праксис, 2002).
  - ³ Michael Mann. *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing* (Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2005) 580 p. В переводе на русский: Майкл Манн. *Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток*. Пер. с англ. Д. Сливняк, М.Сливняка, В. Туза. (М.: Пятый Рим, 2016), 912 с.
  - ⁴ Это направление отпочковалось от «исследований Холокоста» (Holocaust studies), возникших на рубеже 1970–1980-х гг. Пионерами здесь были Хелен Фейн (ее работу 1979 г. Манн неоднократно цитирует) и Лео Купер. См.: Kuper L. *Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century* (New Haven, CT: Yale University Press, 1981). Отклик на работу Х. Фейн, кстати, не самый лестный, см. в процитированной выше книге З. Баумана, с. 19–20.
  - ⁵ См.: Online Encyclopedia of Mass Violence. URL: <http://massviolence.org>.
  - ⁶ См.: «Debate on Michal Mann’s The Dark Side of Democracy», *Nations and Nationalism*. 2006. Vol. 12, No.3; Riley D. «Democracy’s Graveyards?», *New Left Review* 48, Nov.-Dec. 2007; Shaw Martin «Sociology of Genocide», *Handbook of Genocide Studies* / ed. by D. Bloxham and A. D. Moses (Oxford, New York: Oxford University Press, 2010), p. 154; см. также рецензии в журналах *World Politics*, 2007, Vol. 59, Issue 3; *Journal of Peace Research*, 2006, Vol. 43, Issue 1.
  - ⁷ Исчерпывающий обзор дискуссий на эту тему дан в книге итальянского историка права Бартоломе Клаверо (Clavero B. *Genocide or Ethnocide: 1933–2007. How to Mark, Unmake and Remake Law with Words* (Milan: Giuffre Editore, 2008).

- ⁸ Впервые выдвинутый Адорно и Хоркхаймером в *Диалектике просвещения* (1944), он был развит во множестве работ, самой яркой из которых стала упомянутая выше книга *Modernity and the Holocaust* Зигмунта Баумана (1989), в русском переводе – «Актуальность холокоста».
- ⁹ См.: Wimmer A. *Nationalist Exclusion and Ethnic Conflict: Shadows of Modernity* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002). Заметим, что Виммер ведет речь о темной стороне Модерна, а не демократии.
- ¹⁰ Курсив мой; в оригинале курсивом выделено все предложение: «murderous cleansing is modern, because it is dark side of democrasu». В русском переводе это высказывание автора выглядит более сглаженным, поскольку употреблен деепричастный оборот.
- ¹¹ Наш автор, кстати, достаточно осторожен в констатации этого факта. Он не утверждает, что в досовременных обществах ничего подобного этническим чисткам не случилось. Он лишь говорит, что они в этих обществах были редкостью. Аналогом данного явления в Средние века и в древности были религиозные чистки. Но они отличались от современных этнических чисток хотя бы возможностью конвертации в другую веру. Сменив веру, можно было избежать смерти. Этническую принадлежность сменить нельзя – во всяком случае, ее нельзя сменить достаточно быстро, чтобы не стать жертвой геноцида.
- ¹² Что касается североамериканских и австралийских поселенцев, то речь здесь идет все же о маргинальных как в географическом, так и в политико-правовом смысле случаях. Перед нами не государственность, опирающаяся на устойчивые демократические институты, а становление таковой. Стало быть, здесь тоже необходимо уточняющее различие между демократией и демократизацией.
- ¹³ Иногда Манн ведет также речь об «интегральном национализме».
- ¹⁴ Исключение следует сделать для полпотовской Камбоджи, идеологией которой служил левый национализм.
- ¹⁵ Солженицын в своем «Архипелаге» не раз предлагал прочитывать аббревиатуру ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря) как «истребительно-трудовые лагеря».
- ¹⁶ По сути, речь идет о ситуации войны – она имеет место во всех случаях, анализируемых Манном; автор, однако, предпочитает не фокусироваться на этом обстоятельстве.
- ¹⁷ В публикуемом переводе это выражение автора – *core constituencies* – передано как «социальная база». Это люди, участвующие в митингах и демонстрациях под ультранационалистическими лозунгами, голосующие за радикалов на выборах и т. д.

- ¹⁸ Такое вопрошание никоим образом не сводится к морализаторству. Манн, кстати, не тешит ни себя, ни своего читателя иллюзией, будто большинство из нас явили бы высоту духа, окажись мы в обстоятельствах, сходных тем, в каких находились герои его повествования.
- ¹⁹ Арендт Х. *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме* (М.: Европа, 2008).
- ²⁰ Между прочим, лично не убивших ни одного человека и зачастую являющихся слишком чувствительными натурами для столь неприятных занятий.
- ²¹ Памятка для тех, кого этот ход мысли Манна может отпугнуть: автор – бескомпромиссный критик американской внешней политики, в чем читатель этой книги сможет не раз убедиться. См. также его книгу *Incoherent Empire* (2003), в которой политика США анализируется в категориях (нео)империализма.